

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Voennyi Sbornik
Has been issued since 1858.
ISSN: 2309-6322
E-ISSN: 2409-1707
Vol. 7, Is. 1, pp. 14-29, 2015

DOI: 10.13187/vs.2015.7.14
www.ejournal6.com

CDU93

**Letters from Officer/Orientalist K.N. Smirnov from the Caucasian Front
as a Source for the Study of the Military/Political Situation in Turkey and Iran
in 1914–1917 (Continuation)¹**

Nugzar K. Ter-Oganov

Tel Aviv University Center for Iranian Studies, Israel
Dr. (History)
E-mail: nteroganov@yahoo.com

Abstract

This study attempts to analyze the letters of officer/orientalist and military oriental scholar, officer in the Intelligence Section of the Staff of the Caucasian Military District, Staff Captain Konstantin Nikolayevich Smirnov, sent by him from the Turkish and Iranian sectors of the Caucasian front to his wife Kseniya Karlovna Smirnova (Kester) over the period 1914–1917.

Depending on changes in the deployment of Russian troops fighting against the Turkish army, as well as the German-Turkish block, both in the north-eastern part of Turkey and in the north-west of Iran, K.N. Smirnov had sent those letters from Kamarli, Diadin, Iğdır, Beyazit, Trebizond, Kazvin, Kermanshah, Kerind, Qasr-e Shirin, Ava now to Tiflis and now to Sevastopol, Hamadan, and Kazvin, where his wife was staying at that particular point in time.

K.N. Smirnov's surviving letters, just like their fragments, give us an idea of the military/political situation along the line of contact with the enemy on the Caucasian front, as well as many aspects of the activity of officers from the Expeditionary Corps of General N.N. Baratov in Iran over the period 1915–1917. Of interest is his characterization of the personal qualities of many Russian officers, such as General N.N. Baratov, the immediate superior of Staff Captain Smirnov, who at the time headed the reconnaissance unit of the Expeditionary Corps, Colonel N.F. Ern, Chief of Staff, and other officers of the corps. The letters also bring to light the character of activity by K.N. Smirnov as a "political officer".

K.N. Smirnov's letters contain extremely rare information on the episode of short-term Anglo-Russian military cooperation on the Caucasian front intended to coordinate actions against Turkish troops in Mesopotamia.

Keywords: Caucasian front; World War I; letters; officer/orientalist; K.N. Smirnov.

Дело 63:

Казвин, 1 января 1916 г.

Мы с Баратовым Новый год начали совсем добродетельно. В виду того, что в городе циркулируют слухи о том, что пленным плохо (а положение их было действительно

¹ Начало в: Voennyi Sbornik, 2014, Vol.(6), Is. 4.

неудовлетворительно), то я предложил Баратову начать Новый год с доброго дела – посещения пленных. Сначала мы поехали с ним в церковь, принимали парад, потом в 8-й лазарет Красного Креста, где Б[аратов] раздавал присланные от имени Государыни крестики на разноцветных шнурочках. Каждому предлагал сам выбрать ленточку, а георгиевским кавалерам или раненым, большею частью давал георгиевский шнурочек. Растрогал Баратова один перс. Он первый попал в госпиталь Красного Креста, т.к. как раз накануне открытия случилась та перестрелка, о которой я тебе писал и полицейского очень сильно раненого взяли в русский госпиталь. Ему пуля прошла под глазом, через рот и вышла через горло, т[ак] что у него в шею вставлена трубочка для дыхания и говорить он может только шепотом. Он высказал желание старшей сестры, которая его и выходила (весьма самоотверженная старая дева вроде монахини с целой колодкой медалей) тоже получить крест, поцеловал его и надел себе на шею, чем расстрогал всех присутствовавших. Затем поехали мы на этап. Командир корпуса, как я и думал, обратил внимание на многие непорядки и обещал удовлетворить многие претензии пленных и дал им на 5 рублей папиросы, котор[ые] я утром послал купить для этого на базаре. Одного освободили и первая бумага, которую я написал в этом году, была об освобождении этого арестанта. На возвратном пути приняли армянскую депутацию и затем в 4 часа был прием персов, которыми я тоже распорядился и ублажал персюков. Вообще действительно, на счастье персов попались Баратов и я. Они нам все время это говорят, может быть это с их стороны и комплимент, но, по правде сказать, это чистая правда. Баратов очень человечно относится к персам, как и вообще ко всем, а мои взгляды ты вообще знаешь. При всех теперешних трудах мне большое удовольствие доставляет сознание, что я многим устраиваю дела. Кому свидетельство, кому пропуск, кому укажу, куда обратиться с жалобой, все это делал без отказа и скорей провожу все эти дела. При этом я вспоминаю те пакости, которые иногда персюки делали мне, то что дед мой был в плену у персюков и подобная месть доставляет большое удовлетворение. Вместо Шарпантье [1] ведет драгун Белосельский-Белозерский, это, кажется, родственник Скобелева. Шарпантье, собственно говоря, старше Баратова и потому неизбежны были-бы трения. В военном отношении везет этому человеку. Вот хотя бы бой под Рабат-Керимом. Дело было так:

Фарман Фарма узнав, что разбойник Амир-Хешмет хочет зайти в тыл нашим войскам и, оценив значение нашей неудачи для него самого, сообщил об этом через Прозоркевича (к[оманди]-р Перс[идской] Казачьей бригады) ...Б[аратову] вопреки приказанию В[еликого] Кн[язя] не трогать Тегеранский отряд, чтобы они не скучали хором дать им маленькое дело, и послал их в набег на Амир-Хешмета, которого, как и следовало ожидать, совершенно разбили и обратили в бегство, при чем в одну ночь конный отряд прошел 75 верст. Оказалось-же, что Амир-Хешмет не столько угрожал нашему тылу, как имел совершенно другое намерение: сделать самому набег на Тегеран, захватить всю наличность банков, арестовать посланников, учинить большой грабеж и увезти Шаха в Исфаган. Почему-то он задержался на один или два дня в Рабат-Кериме, быть может встревоженный движением другого нашего отряда к Куму и совершенно неожиданно подвергся удару конного отряда, производившего набег. Таким образом, совершенно случайно Б[аратов] спас Тегеран от большой катастрофы, которая могла-бы иметь громадное значение. Сам Баратов оценил значение всего этого только через несколько дней, когда получились бакинские газеты и в особенности, когда приехал к отцу сын губернатора – камергер Шаха (тот, который и хорошо говорит по-русски и читает ему все), который ему и рассказал, чего опасались в Тегеране. Но дай Бог, побольше людей, которым ввезет в начальствующие лица. В сущности, всегда военные удачи и неудачи происходят из-за неожиданных пустяков.

Забыл я тебе написать о маленьком афронте, который я лично получил в Тегеране, но это такой пустяк, что не стоит об этом и думать, хотя отчасти виноват я сам.

В первый день по церемониалу, данному Посланником, я развез карточки Баратова посланникам дружественных держав, а нейтральных в списке не было (американец и испанец). На третий день повез я им тоже карточки Баратова, и, закончив со всем этим, принялся за свои собственные визиты. Нарочно сделал так: отдал карточки Баратова у испанской миссии, поехал в другие места и потом через несколько минут вернулся уже к испанцам т.к. хором повидать их и зайти (посланник Испании был Ромеро Дусмет). Когда я подлетел в автомобиле, то какие-то всадники, как всегда, отскочили в сторону – лошади

всегда пугаются автомобилей, и я не обратил внимания, что это за всадники. Вошел на балкон, увидел в глубине сада какие-то экипажи, спрашиваю, принимают, говорят: пожалуйста карточку, и потом человек выходит и говорит буквально: "времени нет" – ни объяснения причины, ни извинения – ничего. Я отдал другую карточку и ушел, уходя, я уже обратил внимание на собравшихся опять всадников – это были жандармы и турецкий гулям, тогда я всмотревшись в экипаж, узнал карету турецкого посла. Конечно, жаль, что я раньше этого не заметил, но все-же отказано было мне в весьма невежливой форме; кроме того, это было в 5 часов, на другой день мы уехали в 11 часов и карточки я не получил. Жаль, что это лишает нас возможности иметь две декоративных фотографий в нашем проектируемом rel-mal-e [?]. Говорят, что сам он был болен, и принимала, по-видимому, она (Ромеро держали сторону немцев).

Пока не забыл, пишу тебе относительно нужд своих: мне нужна коробочка анузоля (это все же лучше проктола), пузырек зубного эликсира и пачку пипафакса. Через Маню это выписывать затруднительно. Вышли мне сама из Севастополя.

Ко всем мне нужно будет летнее пальто – то, что было со мной в Баязиде (может быть его надо привести в порядок) и зеленый [не]промокаемый плащ для исполнения им обязанностей cache-poussièr [2] -а.

Дело 64:

Керманшах, 25.IV.16

Дорогая моя Ксенюша!

Я очень счастлив, что вчера по телефону слышал твой голос, жаль, что телефон завален работой, и нельзя дольше говорить. У меня за тебя болит сердце. Все уезжают из Хамадана, и как ты будешь одна там оставаться!

Вчера получено известие, что Таунсенд сдался (будут обвинять Баратова, что он запоздал с наступлением). Это очень изменяет дело. Часть турецких сил теперь может быть направлена против нас, поэтому с одной стороны, тем более не следует тебе ехать в Керманшах, но с другой стороны, в Хамадане может быть еще хуже. Особенно если туркам удастся занять Сенне. Я прямо не знаю, что тебе и посоветовать. На всякий случай, имей в виду: 1. что Спиткин (Спиткин – уполномоченный Красного Креста) приглашал поступить в сестры милосердия, 2. что лазареты здесь близки от того дома, где я живу, 3. что Дюрьи (доктор английского банка в Керманшахе) всегда уступят тебе помещение, если бы даже без меня кто-нибудь и занял мою комнату, 4. что сначала мая дорога должна быть готова и пойдут 20 автомобилей Красного Креста (запорожца-уполномоченного земского союза) за ранеными.

А там уже, если со мной не будешь в состоянии снестись, действуй по своему здравому смыслу, сообразно с обстоятельствами, лучше ли тебе ехать вперед или назад, или оставаться в Хамадане. Выдумал для чего-то Баратов ехать. Берет Каргалетели, меня, Гатучаева и Томара (офицера конвоя). От этой суеты только дела страдают, а мне гораздо нужнее быть здесь, но раз дело идет относительно поездки вперед в сторону противника, то конечно, мне не приходится заикаться о бесполезности моей поездки, чтобы не подумали чего другого. Одним словом, вся эта бестолочь надоела мне так, что плюнул бы на все, а на сестер противно смотреть.

К сожалению, совершенно нет времени писать. Напиши маме, у меня совсем нет времени написать ей больше открытки. Ты не можешь себе представить, как мне огорчительно, что ты в таких условиях. До 8 мая пока Медемы (барон Медем – командир Кавказского пограничного полка. Семья его жила в Шверине [3] близ Хамадана, где оставался тыл штаба) там, я еще буду спокоен, а потом я ужасно буду беспокоиться. Маме кланяйся, я понимаю, что она нервничает. Много-много раз целую твои руки и крепко тебя целую мою дорогую и обнимаю. Приятно, что ты ближе ко мне, чем в Тифлисе, а с другой стороны, жалко тебя и беспокойно за тебя. Крепко-крепко целую тебя и благословляю. Очень любящий тебя, верный К.

Дело 65

Керинд, 26/IV /1916

Дорогая моя Ксенюша!

Едем хорошо, не очень жарко, а сегодня даже мочило дождем и било градом. Страна пустая, населения совсем нет, нигде ничего нельзя достать. Я вижу, что поперем мы до самого

Ханекина, но думаю, что скоро повернем, т.к. Каргалетели эта поездка не устраивает и он рвется назад. Сегодня встретил транспорт раненых и гроб ротмистра Поваляева (заведующий хозяйством 4 пограничного полка). Солдаты очень хвалили Юденича [4] за храбрость. Затем встретили партию пленных из Константинопольского полка – очень хороший народ и некоторые похожи на русских солдат. Каргалетели, впрочем, хочет в начале мая быть в Тифлисе.

Керинд, 28/IV/1916

Дорогая Ксенюша,

Живем мы в доме Кериндского хана. Керинд – это нечто вроде Баязида – деревня в ущелье – красиво, но все на косогоре. Над ущельем высятся две обрывистые скалы: на одной пасутся козы, а на другой аисты свели себе гнезда. По ущелью бежит поток. Кериндский хан – старичок лет восьмидесяти. Он выехал навстречу со своим конвоем. Население все курдское и большею частью – сектанты. Самое оригинальное это то, что было выстроено для встречи все население с музыкой. Музыка из курдов же настоящий духовой оркестр. На тромбоне, например, играл ужасный оборванец в каких-то войлочных лохмотьях. Корнетист так старался, что из корнеты у него текла слюна. Играли ужасно гимн, а потом еще полонез Огинского. Ты подумай, в Курдистане оркестр курдов играет полонез Огинского, да заодно это, американец заплатил бы, чтобы посмотреть. Все население отдает честь, народ приветливый и красивый, женщины не закрываются, похожи на цыганок, но девочки подростки очень миленькие и даже довольно белые. Баратов ходил сегодня к раненым. Говорят, в ужасных условиях лежат на соломе без одеял, некоторые даже без шинелей, никаких сестер тут нет. Один раненый был без рубашки и Баратов, вернувшись, послал ему свою рубашку. Все хвалят Юденича [5], т.к. он не надеялся на 4-й батальон, вновь сформированный, то одну роту он сам повел в атаку, другую велел вести командиру батальона, а третью заведующему хозяйством, как старшему офицеру. Командир и заведующий хозяйством убиты. Зато Прозоркевича (Прозоркевич – командир 2-го Кавказского пограничного полка, однофамилец инструктора Персидской казачьей бригады) бранят – его полк пришел почти что, без штанов, прямо стыдно на них смотреть.

Дело 66:

Касре-Ширин, 1 мая 1916г.

Дорогая моя Ксенюша!

Пишу тебе это письмо, лежа под развесистым фиговым деревом на берегу Эльвенда близ Касре-Ширина в лагере штаба кавалерийской дивизии. Уже изрядно тепло, но не так уж жарко. Князь Белосельский (нач. дивизии) и адъютант главнокомандующего Дерфельд, так те совсем изнывают от жары. Третьего дня встретили целую комиссию, которая решила, что довольно воевать и поехала в Россию: Шереметьев, Омер, кн. Сумбатов, кн. Макаев (офицеры Кавказской кавалерийской дивизии, ехавшие в отпуск), еще кто-то.

Кавалерийская дивизия смело могла раньше занять Ханекин – подходили на 1200 шагов, постреляли в город и ушли, решив, что не стоит брать, так как все равно потом турки выбьют. Одним словом, чувствуется, что нет твердого знака и надо что-то еще сделать – еще раз побить турок. Не повезло тоже при отступлении турок от Сер-Миль-Керинда. Колонна полковника Успенского [6] была в нескольких верстах и занялась какими-то курдами, между тем если бы она не опоздала, то никто не ушел бы из этого ущелья и целиком бы сдались. Очень красивая дорога от Керинда верст 20. Лес, но не густой, деревья старые, толстые, но низкорослые, пока все зелено и ущелье весьма красивое. Теперь мы уже спустились с плоскогорья. Мух масса, скоро будет много комаров.

Вчера я поил лошадь, она споткнулась, и я попал по колено в воду, так что после такой невольной ванны сегодня я уже настоящим образом вымылся в реке с мылом.

Вчера приехали мы в 2 часа дня, и к 4 часам у меня сильно разболелась голова – принял феналетин, мазал ментолом (спасибо тебе за флакончик, которым ты меня снабдила) и наконец, поставил горчичник, что собственно и помогло. Живем в палатках.

Я поместился в палатке у Акимова [7], так как привезли 2 палатки, а нас пять, Акимов же в палатке – один. Он очень любезен и предупредителен. В общем, чувствую себя так себе, принимаю хину, а сегодня после купанья принял еще шерету. Ветерок часто бывает, но печет, вечером сыро. Ночью прохладно, мухи минуты покоя не дают, так что целый день обмахиваешься от них веткой, спать не на чем, так что раз на пикнике за обедом, то возлежим, то сидим, а тарелка стоит на земле. Все это меня очень мучает, но, по-видимому, дня через три-четыре мы уедем. Через день летает турецкий аэроплан, иногда бросает бомбы, но пока безрезультатно. Я еще его не видел. Позиции в 12 верстах, сегодня едем смотреть. Вчера на последнем этапе хоронили трех драгун, убитых и изуродованных курдами. Собственно я сделал пакость попу. Проходил обоз с попом и поп проехал мимо роющейся могилы, я обратил внимание, его вернули и заставили отпевать, половину панихиды мы простояли, сидя уже верхом и пели наши казаки. Нет Ксенюша, я в Багдад ни за что не поеду, если бы меня назначили и вообще, я скорей горожанин и походной жизни не люблю, переночу довольно хорошо, но удовольствия не вижу никакого от лона природы.

Дело 67:

Керманшах, май 1916 г. [8]

...Я все злюсь. Дела много. Гамалей [9] засыпает громадными телеграммами [10]. С Вильямсом [11] вышло у меня недавно недоразумение. Я принес ему телеграмму зашифровать, а он сказал, что он и так много уже шифровал для генерала Баратова. Я тогда извинился и взял обратно, добавив, что я не знал, что делается это из-за любезности, а предполагал, что это его обязанность. Он сказал, что он сам знает, в чем его обязанности, глупо это все время говорить. Дело в том, что два дня назад он подал иск на наши войска за порчу помещений в Хамадане. Говорили, что это также как и 200 ослов и катеров для вывоза в Решт имущества ковровой фабрики поручил ему хлопотать Марлинг, а я на это заметил, что М. не прав, что едва ли это относится к обязанностям военного агента. Теперь Вильямс это вспомнил. Я первый раз пропустил мимо ушей. Но второй раз, когда он сказал "c'est stupide", я его попросил осторожно выражаться и что между офицерами таких разговоров быть не должно. На мое счастье, при этом был Кирсанов (Кирсанов – офицер Генерального штаба, бывший начальник, военный агент в Мосуле) – человек хороший, но лодырь и большой сплетник, он уже всем раззвонил об этом инциденте. Вильямс, сконфузившись, попросил телеграмму зашифровать, я не хотел сначала давать, а потом дал ему, сказав, что дал только для того, чтобы исчерпать инцидент. Кирсанов говорил, что Эрн (Эрн – начальник штаба) узнав об этом, сказал: "Смирнов бывает иногда резок". Но в данном случае не я был резок, а Вильямс. Я на это Кирсанову сказал: "да уж в этом штабе предадут, возьмут сторону кого угодно" и очень рад, если это Кирсанов передал. После этой истории мне стало грустно за человечество. Если такая культурная нация из англичан некорректны, то что же требовать от нас. Убедившись, что мы не пойдем сейчас брать Багдад, и что Таунсенда (Таунсенд – английский генерал, сдавшийся под Кут эль-Амарой туркам) мы не выручили своей головой, здешние англичане уже перестали быть любезными, выставили нас из дома, хотят выставить конвой Баратова из конюшен английского консульства. Вильямс отказался шифровать телеграммы. Я после всего этого по отношению их взял тот же тон снобизма, который был у нас с тобой по отношению англичан в Тегеране. Вильямс с Леусом (Леус – офицер-восточник, был потом тяжело ранен) уехали, их вызвали на другой день отъезда Баратова.

Сердило меня также то, что Каргалетели вмешался и хотел устроить мне теперь поездку к тебе в Хамадан, а когда я сказал, что считаю неприличным ехать мне назад, когда другие едут вперед, то он сказал, что он на моем месте тоже бы не поехал. Спрашивается, зачем же "сукин-сын" хотел мне это устраивать, думая, что я не соображу, а потом он же сказал бы, что я на время операции уехал в отпуск. Оказывается, как говорил Эрн, Баратов хотел, чтобы я опять поехал, а Каргалетели [12] сказал, что мне незачем ехать [13]. Терпеть не могу людей с таким тряпочным характером, как Баратов, прямо противно смотреть [14]. Каргалетели прямо его чукает, называет мягкотелым, а Баратов, собравшись в дорогу и упрасивавший долго спящего по утрам К[аргалетели], боязливо спрашивает: "что, Василек, можно ехать, ты готов?". Прямо хочется плюнуть. Каргалетели всю дорогу подкладывал свинью Эрну, говорил, что он никуда не годится, обвинял его перед Баратовым, что связь

плохо действует (между тем, как это его же обязанность), и мне сам Эрн говорил, что не желает с ним связываться, он в это дело не вмешивается – пусть делает, как хочет, меня несколько раз подмывало сказать, что при таких отношениях не следует быть на "ты" с Эрном, а уезжая, Каргалетели просил Эрна, не поминать лихом и целовался. Прямо тошнит от всего этого. Я, собственно говоря, очень рад, что меня не взяли – там убийственная жара, а я и тут ослаб, да и видеть вечно надутую рожу Караглетели не так уж весело. Туда поехали Баратов, Гагучаев [15], Золотарев [16], Гончар [17], Каргалетели и доктор. На другой день вызвали Леуса с Вильямсом, а здесь остались Эрн, Дуценко [18], я и Гебелашвили [19].

Англичанам очень не по нутру командировки Гамалея, они упорно не сообщали о своем расположении и когда им протелеграфировали было о том, что командирована сотня, чтобы они со своей стороны выслали разъезд навстречу [20], то они отказались выслать, мотивируя тем, что на дороге турки и просили Вильямса отсоветовать Баратову посылать Гамалея. В общем, эта авантюра никаких реальных плюсов не дала [21], уклеила только англичан, и прославила Гамалея (оказывается, он был простым казаком, вахмистром, выдержал экзамен в Оренбургское училище и выбился в офицеры. Теперь у него золотое оружие и Георгий – карьера обеспечена).

Дело 68:

[Аве], 5.VIII. 1916 г.

Дорогая моя Ксенюша!

Толмазов [22] рассказал мне, что ты живешь в ужасно жаркой комнате в Хамадане и меня это стало очень тревожить, так как я знаю, что жара на тебе отзывается хуже холода.

Завтра или послезавтра хочу отправить тебе Семена, может быть тогда тебе удобнее будет перейти на квартиру. Сегодня меня прямо измучил ветер, то и дело хватаешь то одну бумагу, то другую, чтобы не унес ветер, а в палатке только в середине можно сидеть, не доставая головой до полотна, а стоять иначе, как согнувшись, совсем нельзя, так как это tente d'abri [23], хотя и, офицерская.

У нас неблагополучно. У Баратова лихорадка (болезнь вождя – секрет, а потому не рассказывай). Сегодня не вставал – одетый лежит сверх постели, и потребляет у меня хину и шерету. Пришли несколько капсул на пополнение запаса. Белосельский [-Белозерский] приехал переговорить на несколько часов, но Б[аратов] по случаю своей болезни задержал его до завтра. Каргалетели вчера уехал. Уезжая, он зашел попрощаться со мной, я же сидел в палатке и не заметил, как он уехал. Большинство ходило провожать этого баловня до автомобиля, а я так и не попрощался. С Каргалетели уехал больной Едигаров [24]. Я его просил передать тебе письмо, в котором послал расписки штаба. Вчера вечером по телеграфу получил записку от Савельева [25], в которой говорилось, что начальник штаба Армии спрашивает меня, как здоровье Вольского [26], контуженного в последних боях. Я справился и тотчас ответил. Значит, о моем существовании не забыли, но адресовано было капитану, так что я думаю, что жидок напутал. А не хотелось бы мне уезжать, раньше, чем быть произведенным. Сегодня уехал Нирод [27] и я послал тебе пенснэ, кремы и бумагу от мух с денщиком Нирода. Вероятно, в Казвине много мух. Когда будет случай, пришли мне одну перемену белья: фуфайку, кальсоны, рубашку, ночную рубашку, одну или две пары носок, несколько платков, одно белое полотенце и одно с красным [линия автора – Н.К.Тер-Оганов]. Постельного белья пока не присылай. Должен тебя предупредить, чтобы ты была осторожна с индивидуальными пакетами. Доктор, кажется, Филиппов, раскрыл пакет для перевязки раненого на позиции и вместо пузырька йода, оказалось, будто бы что-то другое, и произошел взрыв, поранивший серьезно ему руки. Лично я этому не верю, я думаю, что в тот момент, как он открывал пакет, он был ранен, и на него произвело впечатление, что взрыв произошел у него в руках. Так думает и Скалозуб [28], но на всякий случай все пакеты изъяты. Так что ты будь осторожнее. Турки стоят на месте, а Эттер [29] уже хочет удирать из Тегерана [30]. Посмотрим, что будет через месяц! Одно только, что мы сейчас пришли в порядок, войска на высотах несколько отдохнули, притворщиков рассортировали и поставили в строй, подходят укомплектования. Будь здорова, моя дорогая Кысочка, крепко тебя целую и обнимаю. Целую твои руки. Твой верн[ый]. К.

Дело 69

[Аве], 10 августа 1916 г.

Дорогая моя Ксенюша!

Вот уже две недели, как расстались мы с тобой, не успев даже, как следует проститься. Мне очень без тебя скучно. Надеюсь, приехать на день в Казвин, но не знаю, когда удастся это сделать. Сейчас тут нет никого кроме меня. Кондратьева [31], отправили вперед, а Азизулла [32] с разъездом к Амиру Афхаму. Старая лиса переехала в свою деревню близ Резана и оттуда отправила туркам пишкеш – 100 харваров ячменя. Ну, вот туда и послали разъезд, чтобы приструнить старика. Впрочем, его нельзя особенно и осуждать. Ночью я видел очень тяжелый сон – я видел, что получил от тебя письмо, в котором ты называешь меня на "Вы" и сердисься за что-то на меня. Я думаю, что это скрытая лихорадка. Конечно, наяву этого между нами никогда не будет. Как твое здоровье. Я думаю, что Контролер прав. Он полагает, что здесь у всех понос потому, что все источники этого горного района содержат глауберову соль. Если ты томишься бездельем, то запиши, что ты помнишь о ханекинской операции и т.п. юродства К[аргалетели]. Сегодня, слава Богу, пришла телеграмма, что Карагалетели переведен на Северный фронт. Без него гораздо симпатичнее. За столом идет свободный разговор, генерал как-то лучше ко всем относится без боязни того, как это понравится этому типу и даже ко мне как будто стал лучше относиться. Впрочем, когда я нужен, то всегда он лучше ко мне относился, а сейчас нет ни дипломатического чиновника, ни другого офицера, знающего Персию. В Тегеране делается глупость. Посланник назначил даже день отъезда, а когда В[еликий] К[нязь] протелеграфировал, что посланник должен остаться до конца, то Эттер телеграфировал, что он и не думал поступить иначе. Штриттер [33] уже удрал. По дошедшим до нас слухам, сам Эттер советовал Сепасалару выйти в отставку и уезжать. Прозоркевич, как говорят, посоветовал некоторым офицерам уехать и Татос [34] с Искандером [35] уехали. Одним словом, раньше, чем выяснится исход предстоящих боев, они уже решили уступить поле политическим противникам.

Штриттер, проезжая через Казвин, пустил слух, что наш отряд уже в Куме, между тем, как он по-прежнему стоит в Исфагане. Антипов [36] сообщил нам сведения о противнике, что жандармы занимают Резан, между тем, как в Резане питательный пункт Всероссийского земского союза и станции Сираба и Хильтова тоже за нами. Быть может, Министерство иностранных дел получило какие-либо инструкции нам неизвестные?

Перебирая вещи, нашел второй орден Владимира и скатерть; то и другое хочу отправить тебе. Все мечтаю, как мы будем когда-либо жить вместе, а теперь хотя бы удалось повидаться с тобой.

Дорогая моя Кысочка, сообщай, что делается в Казвине [37], там людская глупость больше бьет в глаза, чем у нас здесь, при нашем деревенском образе жизни. В общем, пребывание здесь для меня отдых, работы немного, ложимся и встаем вовремя, ночи холодные, днем не очень жарко, комаров нет, мух мало, еда удовлетворительная, только ветра изводят, да главное, разлука с моей дорогой Ксенюшей, без которой мне и жизнь не в жизнь. Целую твои ручки. Крепко тебя обнимаю. Обожающий тебя К. (л.50 об.).

Дело 70:

[Аве], 11 августа 1916 г.

Дорогая моя Кысочка!

Сегодня выпал тяжелый день твоему политическому офицеру. Набралась масса дела – писать Амиру Афхаму [38], Амиру Афшару [39], воззвание с успокоением жителей Казвина, телеграммы посланнику, Болховитинову [40] и Прозоркевичу [41] относительно политического положения и проч. И вдруг, в это время неожиданно появляется Сепасалар [42] и Акбар-мирза [43]. Одним словом, выяснилось, что Эттер [44], струсив, очень скоро сдал позицию и предложил Сепасалару уехать. Чьим-то распоряжением распустили всю бригаду по домам и разным городам, а сам Monsieur Прозоркевич переехал в Зарганде.

Légation Impériale de Russie en Perse. Résidence d'été à Zerguendeh.

Летняя резиденция российской дипломатической миссии в Зарганде

Одним словом, это черт знает что такое. Вот Сепаксалар с Акбаром приехали просить Баратова спасти положение. Одним словом, у нас, как в Ставку Верховного приезжают министры, депутаты и проч. Я испытываю страшное удовлетворение, так как все выходит так, как я говорю и говорил. Мы теперь делаем представление Великому Князю, что надо сделать и уже Б[аратов] поговаривает, что следовало бы военного посланника и, по его мнению, хорошо было бы Вадбольского [45]. Я возразил сначала, что В[адбольский] плохо знает языки, но когда Б[аратов] горячо стал возражать, то я согласился, что действительно в подобный момент это не важно. Пока еще эти соображения не протелеграфировали в Тифлис, но вероятно до этого дойдет. Конечно, все это пишу тебе по секрету, также как по секрету сообщаю, что родственник Геочары [46] уже начал прокрадываться.

Целый день у нас дым коромыслом шел. Сегодня как раз пришло известие, что Чернозубов [47] разбил 4-ю дивизию, взяв в плен 1½ пехотных полка. Играла музыка, шли пленники и под конец дядя Поль [48] собрал к себе всех, резали барана, пылал костер, играла музыка, зурна, певчие песенники Кубанск[ого] полка, Баратов в бешмате и папахе с палкой сидел в кругу казаков, Шахназаров и офицеры танцевали.

Эльзингер [49] назначен начальником канцелярии генерал-губернатора областей Турции. Говорят, что будет получать 15 тысяч. Малиновский [50] начальником участка в Ризе. Нагайбаков [51] младшим чиновником VI класса для поручений. Все писаря Развед[ывательного] отделения понаполучали чиновничьи места. Вызывают желающих врачей из нашего корпуса на должности областных и окружных врачей. Одним словом, видно, что организация en grand, не то, что тогда Яковлев [52] смастерил нищенские штаты округов. Персидский офицер Ахмед-Ага привез мне вместо ситронаду оранжад – даром, заплатил 8 рублей. Один флакон пришлю тебе. Баратову в отпуске отослал. Пока не приедут Гильдебранд [53] и Акимов [54] им, конечно, нельзя будет уехать, а затем ты хорошо надумала выехать до Баку вместе. Что-то сегодня было вроде намека о возможности переезда в Казвин. На днях ожидаем наступления турок. Если я пришлю тебе телеграмму

"Пришли белье", это значит укладывайся и готовься к выезду в Решт. Жаль мне Модеста и Марусю. Спасибо тебе за пальто, но как раз стало жарче, чем раньше. Крепко тебя целую и обнимаю мою дорогую, обожаемую жену. Целую твои руки. "Ты моя хорошая, а я твой гадкий К."

Дело 72:

... Шкринского [55] отправляют назад в Казвин цензором. Очень скучно без тебя и очень хотел-бы скорей устроиться так, чтобы с тобой не разлучаться. Оказались у меня еще кое-какие вещи, которые надо понемножку отправить тебе, а именно словари и всякая тому подобная дрянь. Крепко тебя целую и обнимаю, мою дорогую. Целую твои руки. Твой верный К.

P.S. Я просил Фисенко [56], не представлять меня к награде, чтобы иметь право на награду после производства в полковники. То-то будет рад хранящийся у тебя орден, что он получит применение раньше, чем он думал!

Передай Бархударьяну [57] удостоверение и письмо. Пошли телеграмму Елиз[авете] Никол[аевне]. И подпиши адрес на прилагаемой открытке.

[Аве], 28 августа 1916 г.

Дорогая моя Ксенюша!

Надеюсь приехать на днях, но, не уверен еще. С переходом в помещение чувствую себя лучше. Пришли, пожалуйста, с Риштой [58] хурджин [59] с перепиской. Дело в том, что услышав про хурджин, Фисенко [60] решил его обратить в свою пользу, ну и Бог с ним, он человек очень обходительный. Чемоданчик он тоже уже приспособил. Очень хотел бы видеть поскорей тебя, мою дорогую. Передай Мадиду [61], что Сардару Иджлялу разрешено получить автомобиль и экипаж; об этом протелеграфировано официально – через Золотарьева [62], но, может быть, еще не передали по назначению. Передай также Мадиду, чтобы через Макдо [63] передал, чтобы Салар-Фатех-Курдистанский явился в штаб.

Дараб-мирза [64] отчасти похож на Геочару с выражением лица, но знаешь, он производит довольно приятное впечатление. На нем печать человека, перенесшего какое-то испытание, совершенно нет восточного бахвальства, немножко сентиментальности à la Шашал, но в меру, и в разговоре очень скромнен. Он говорил, что жалеет, что не натворил чего-нибудь раньше, чтобы его отправили в Россию и после пятилетней службы в России, где ему очень хорошо жилось, Кавказ ему совсем не нравится [65].

Между прочим, он рассказывал, что положение Ляхова [66] очень ненадежно. Будто бы у него была какая-то история с сестрой милосердия и В[еликий] К[нязь] предупредил, чтобы он был не очень милостив к нему. Далее, когда В[еликий] Кн[язь] пошел в госпиталь, то будто бы раненый офицер обратился к нему и сказал, что если он останется жив, то отомстит за честь сестры, а если умрет, то просит вступиться Вл. Кн. и что это как раз касалось Ляхова. Не знаю, насколько все это правда, но похоже на разгадку, почему не было Бенедеты [67]. Говорят даже, что Ляхов хотел отделаться десятью тысячами, но не вышло [68].

Как мне тебя не достает, моя дорогая! Надеюсь, что удастся тебе приехать ко мне на месяц. С помощью своих персидских знакомых я в то время, когда дело пойдет уже к весне и особенно теплой квартиры не надо, постараюсь найти помещение с мебелью на несколько недель, а проезд постараемся устроить даром на автомобиле. Но вижу, что теперь выехать в Баку мне не удастся. Такая масса работы, что и вопроса об этом возбуждать сейчас нельзя. К тому же я пока ни о каких одолжениях просить Б[аратова] не могу. К сожалению, я вижу, что я ему не особенно нравлюсь. Ну как мы вообще с тобой не нравились в Тегеране сердечным людям. С другой стороны, я вижу, что он подобно Стасе очень не любит, когда кто-нибудь на него сердится, а потому я решил некоторое время будировать, добросовестно исполняя свой долг. И вижу, что результаты это даст хорошие. Недоволен я, во-первых, за то, что наделав сам промахов, он свалил на меня (правда – в мелочах), а во-вторых, за недостаточно внимательное ко мне отношение. Недавно он пил по очереди за своих сотрудников, а затем за младших чинов штаба и сказал: К[онстантин] Н[иколаевич], я Вас

тоже считаю в числе младших, так как Вы младший по времени. Ну а я в его тосты не нуждаюсь, и терпеть их не могу, но на одну ногу с прапорщиками и хорунжими ставить капитана гвардии, который уже 18 лет офицером ему меня не следует, почему я и решил обидеться. Сейчас у меня не жизнь и не прозябание, а просто таки горение и я за это вправе рассчитывать на большее внимание, что я и вижу от Начальника штаба. У нас нет корпусного коменданта и я возбуждал вопрос, что так как значительную часть этой работы я исполняю, то пусть бы меня отдали приказом по корпусу и.д. коменданта корпуса, как отдали начальника штаба, корпусного врача, а Каргаретели объявили начальником штаба дивизии. Комендант корпуса пользуется правами командира полка и фуражные, и суточные получает, как я получал в Баязиде. Эрн ответил, что это не пройдет так как, может быть, начет в виду того, что штаты штаба корпуса не утверждены (сами они получают, не боясь начета) и что если на меня возложить всецело обязанности коменданта, то как же будет с разведкой, в чем без меня обойтись нельзя. Ну вот, ввиду всего этого мне совершенно несвоевременно проситься в Баку и получать новый отказ. Большим удовлетворением мне служит, как относятся ко мне персы. Народу ко мне прет масса, полнейшее уважение, лести слышу массу вроде того, что благодарят судьбу, что тут я, который знаю народ и с которым можно непосредственно объясниться и т.п. А я, так как не могу занимать сейчас такого положения, то валяю дурака, представляясь человеком с дервишскими взглядами. Да оно, по правде сказать, все чаще и чаще думаю о том, что самое лучшее было бы действительно, как можно будет, выйти в отставку генералом, и как только позволят сделать это денежные обстоятельства – выйти в отставку; поселиться нам с тобой в Париже, да смотреть бы со стороны на всю человеческую гадость. Ни положение, ни власть меня больше не влекут. Я думаю, что ты понимаешь меня, когда мечтаешь о домике на Волге.

Бедная моя Ксенька, как у тебя должно было биться сердце, когда ты беспокоилась обо мне из-за этой телеграммы. При моей кабинетной работе гораздо больше шансов заболеть сильным геморроем, чем пасть смертью храбрых, но, конечно, все бывает. Вот уже двух офицеров отпели в дорожной церкви, запаяли как сардину в ящик, поставили на лафет, на котором провезли по городу с церемонией, затем поставили на автомобиль и отвезли, чтобы похоронить на каком-нибудь глухом кладбище. На днях тоже шведский офицер провез прах убитых летом шведских офицеров. На этой неделе будут еще запаивать еще третьего офицера (ужасно скучно бывает ждать, по крайней мере, 1/2 часа, пока слесаря кончат эту работу)... Уж если и я паче чаяния отправлюсь на тот свет, то уже не мешай им, чтобы тебя не осуждали за бессердечие, проделывать тоже самое, благо на казенный счет. Только уж пусть тогда прут, по крайней мере, хоть под Давида к дервишу шейху Санаану с одной стороны, и посланнику Грибоедову, с другой. Но, конечно, это я все шучу, и помирать не собираюсь, а только забрехался на эту тему по поводу того, что ты бедняга моя встревожилась, что я убит. А меня больше тревожит, что я растолстею от такого режима. Телеграмму твою я получил, а кто еще Смирнов в Казвине узнать довольно трудно – сейчас много народу и чего только тут нет до бронированных автомобилей включительно. Ну, я тебе скажу и штука – в башне наполненной механизмами и двумя пулеметами должны сидеть офицер и три солдата, а там, где пушка, там еще теснее, там офицер и два солдата.

Дело 75:

Баку, 18 мая [1917 г.]

Дорогая моя Ксенюша!

А твой *dume reiter* все катит *weiter* да *weiter* [69]. Ты не можешь себе представить, как я извелся, когда узнал, зачем меня вызвали. Я привел Юденичу [70] все доводы. Он со всем согласился, но все таки приказал ехать, так как на Краевом съезде обсуждался вопрос и Ю[денич] обещал, что приедет полковник, знающий хорошо Персию. Пока поехал Колонтаевский [71], но Юд[енич] находит, что в эту комиссию по разбору недоразумения между Фидаровым [72] и Дамонтловым [73] надо полковника.

Приехал я в Баку, а телеграмма опоздала и канонерка с комиссией (Столица [74]) уже ушла и я догоняю на пассажирском пароходе, который сегодня же как раз отходит. Юденич разрешил мне быть только несколько дней, если комиссия затянется, так как согласился, что я нужен в Трапезунде.

Цыс [75] (во время войны был из особого отделения штаба округа) говорил мне, что на Краевом съезде говорили о замене некоторых консулов военными, и в том числе называли и меня. Цыс спрашивал меня, устраивает ли меня быть консулом в Ардебиле, я сказал, что консулом в Персию ехать – согласен, и Цыс хотел в тот же день сказать Баратову, который тоже играет какую-то роль на съезде, чтобы опять возбудили этот вопрос. Как раз после этого разговора Баратов катил в автомобиле, остановился, лобызался и т.д. На днях он едет в Хамкенной [76].

Всю дорогу я думал – бедная, бедная Ксенюшка. Сидит одна и скучает. Подумать, около двух недель тому назад сидеть в Трапезунде одной! Устал я Кысочек! Эту ночь пришлось спать сидя. Сейчас я в Европе, ночью разделся, полежал, а спать нет времени. Как все дорого! Щи 1р.25к., рыбное блюдо 3 р. 50 к., мясное от 4 рублей. Хлеба в городе нет. Забастовка извозчиков. С вокзала пришел пешком. На вокзале видел супругов Золотаревых [77] с отпрыском (Боря). Они ехали в Белясувар. Что у нее за простонародный вид! Будь здорова моя Ксенюша! Много раз целую тебя и твои руки. Всем поклон. Любящий и верный Кот.

Трапезунд, 1 августа 1917 г.

Дорогая моя Ксенюша!

Вернулся из очень неприятной операции по вывозу семейств разведчиков из района Унии. Я думал, что назначат мне какой-нибудь тральщик, миноносец и катер, а мне прислали Дакию [78]. Катер мы не взяли. Я на миноносце пошел вперед в 1 час ночи, дали 3 сигнальных выстрела, и ушли шарпать берега, затем у Термэ собрались все к утру и я пересел на Дакию. Я взял вновь сформированный партизанский отряд, чтобы... и набег на Термэ, но увидел, что из мух делают слона. Полетели гидры [79], хотели обстреливать Термэ из больших пушек и проч. Я отговорил делать все это и набег не состоялся, а только – успели сбросить три бомбы в кучки жандармов пехоты, обстреливавших их. Говорят, что [на] аппаратах есть следы пуль. Затем пошли брать спустившихся с гор беженцев. Я не филантроп, но считаю, что честь и достоинство России требовали это сделать, но как тяжело делать доброе дело, хотя бы и в силу долга службы. Между матросами Дакии поднялся ропот: зачем нам голодные рты, наши жены дома работают, чтобы кормить чужих людей, никакой пользы и [от] разведчиков и т.д. Пришлось разговаривать с отдельными кучками – соглашались с доводами. Потом пришел представитель судебного комитета и заявил, что комитет считает, что довольно мол, поручил и довольно. Вместо двухсот действительно пришло около трехсот. Но что это за люди, большею частью дети, некоторые даже круглые сироты при чужих матерях. Во всяком случае, это все что осталось в районе Уния – Термэ, остальное за исключением самих четников и нескольких совсем беспомощных по дряхлости и больных уже выслал вглубь Турции. Конечно, никаких тут не может быть разговоров, что мы это должны были сделать. Но наш народ, когда-то воевавший за освобождение болгар и за другие глупости, теперь окончательно очерствел. На заявление Комитета командир, Фипшау, реагировал самыми хорошими русскими ругательствами по адресу Комитета, я даже испугался за него. Но говорят, что теперь опять всюду начали ругаться и бить морды и уверяют, что рабские натуры сейчас же делаются благодущными?! Словом, 4 часа длилась посадка, была перестроена и, наконец, мы ушли, но после инцидента потрясающим, которые, должен тебе сказать, на меня, увы, произвел мало впечатления, должно быть, и я очерствел.

Дело 76:

[Трапезунд], 1917 г.

Лодка полная детей и женщин попала под струю воды, опрокинулись и все стали тонуть. Как-то минуты две прошли в бестолковых мерах, пока командир не увидел и не скомандовал бросить в воду пояса. Полетала масса поясов и кругов, которые попадали на голову детей и не помогли им. Течение несло мимо парохода, некоторые удивительно скоро стали тонуть. Мимо меня несло старую женщину, которая под водой как бы проходила, поднявши руки слегка, или махая, и скоро стала пускать пузыри. Откровенно говоря, у меня не было какого-либо особенного чувства к этой женщине. Наконец, матрос, стоявший около меня, когда проплывала эта женщина, не выдержал и одетым бросился в воду. Позади

вскоре после него, посмелее, еще человек десять, раздетых, в числе которых был артиллерийский офицер, прикомандированный к флоту гардемарины. Потонуло, говорят, что около 4–5, а я думаю, что около десятка. И знаешь, повторяю тебе, на меня это особенного впечатления не произвело, я даже гораздо более неприятное чувство испытываю, когда мы обстреливаем турецкие берега.

В 5 часов мы подошли к позициям, заранее предупредив Апушкина [80], который приехал с артиллерийскими офицерами. Крейсер из больших орудий обстреливал турецкие окопы, заговорили наши батареи, потом застучал пулемет, сообщили, что пехота пошла в атаку и просит поддержать. Но, вероятно, от нашей стрельбы пошел ливень, и подвинулся густой туман, и дело пришлось прекратить. Хорошо, что пехота не успела перейти через реку, так как река от ливня вздулась, и они могли быть отрезанными. Во всяком случае, и судя по трескотне ружей и, особенно, стуку пулеметов, можно было заключить, что завязался жаркий бой. Когда мы только что начали стрельбу, то турки пустили в нас 3–4 снаряда, последний упал уже [в] саженях пятидесяти от судна, но вероятно дальше этого турецкая артиллерия не могла стрелять, так как больше не стреляла по нас. От стрельбы побилась масса стекол. Жаль смотреть на эти румынские пароходы. Ночь провели на рейде в Элеу, потом пошли в Плантену выгружать гидро и партизанов. Как и все теперь, делали это очень долго. Подошел истребитель и я перешел на него, чтобы приехав в Трапезунд, ускорить вырубку беженцев. Тут опять скандал. Колосовскому [81] кто-то сказал, что пришло 3 с половиной тысячи беженцев, и он приказал их отправить в Батум. А их уже выгрузили с Дакии. Пока я добился по телефону Колосовского и Коман[дира] кор[пуса] и т.д. Наконец, согласился, чтобы пока будет идти сношение с Батумом, куда умная голова Колосовского решила направить беженцев, они оставались бы в Трапезунде. Между прочим, митрополит был мною предупрежден и, конечно, изъявил полную готовность и даже радость позаботиться о них. Я сидел дома, а Степ[ан] Иван[ович] [82] и Никол[ай] Никол[аевич] [83] орудовали. Наконец, все это людское стадо, ужасно провонявшее и запакостившее пароход, повели к "деспоту", т.е. к Митрополиту, а пока шли переговоры, толпа смотрела на этих несчастных, а солдаты вели те же разговоры, как и матросы на Дакии. Теперь уже я вздохнул свободно, когда увидел, что Дакия ушла, и узнал, что толпа у митрополита. Греки уже устроят своих и пусть сами хлопчат у Колосовского, но только по-моему, между вали и турецким жандармским полковником, месяц назад в Орду высыпавшим в море три полных лодки греческих женщин и детей, чтобы освободить город от нищих и нами, разницы очень немного.

Беседовали матросы со мной по одиночке, и на политические темы. Удивительная тупость у русского простого народа. Пока он не рассуждает, не была заметна, а как стал рассуждать, так она дает о себе знать. Я с час толковал с украинофилом [84]. В конце концов, он сказал, что ни все ли равно, чьими рабами быть московскими или Вильгельма, что Вильгельм понимает душу украинца и ничего дурного не будет если Украина попадет под власть немцев, а что немецкий язык, то выучатся ему. Уж действительно командир судна рассердившись, потом изливал свою душу в кают-компании и говорил, что приходится приходиться к заключению, что мы, в самом деле, навоз. Послушавши рассуждения украинофила, нельзя иначе его никак и назвать, как навозом или чем-либо в этом роде. Ну, стоит ли тут воевать и предпринимать для такого народа, который сам подкапывается под свое существование. Но лично я, как-то со всеми ими лажу, и как-то отношусь с уважением.

Вот таковы-то дела, моя дорогая Ксенюша! Прочитай-ка это письмо Ардатову [85], пусть Мих[аил] Андреевич знает, как сочувственно относятся товарищи к начатому им и продолжаемому мною делу. Не знаю, каковы будут партизаны, но я очень рад, что взял их в плавание. Многим уже не понравилось, а другие рассуждали, что если предварительно не будут стрелять из пушек, то они не пойдут высаживаться. С места, по крайней мере, вышибем и возьмем друг...

Крепко тебя целую и обнимаю мою дорогую. Кончится ли когда-либо война, и будем ли мы когда-нибудь с тобой по-человечески жить? Привет Е.Н. Поклон Ардатовым. Целую твои руки. Твой верный К.

Примечания:

1. Генерал К.Г. Шарпантье был начальником Кавказской кавалерийской дивизии. 29 декабря 1915 г. на этом посту его сменил генерал кн. С.К. Белосельский-Белозерский – примечание Н.К. Тер-Оганова.
2. Вид плаща, манто – франц. – примечание Н.К. Тер-Оганова.
3. Точнее: Шеверин – деревня, где на тот момент был расположен штаб Экспедиционного корпуса генерала Н.Н. Баратова. Смотри, например, А.Г. Емельянов. Персидский фронт (1915–1918). Берлин: "Гамаюн", 1923, с.85.
4. Полковник М.С.Юденич – командир Пограничного пехотного полка – примечание К.Н.Смирнова.
5. Автор писем имеет в виду командира 2-го пограничного полка Юденича М.С. – примечание Н.К. Тер-Оганова.
6. Успенский – командир Хоперского казачьего полка, офицер Генерального штаба. – примечание К.Н. Смирнова.
7. Акимов – офицер-восточник, переводчик персидского языка из Туркестанских стрелков, прикомандированный к Экспедиционному корпусу генерала Баратова. См.: АНЦРГ, ф.39, д.27, л.84об.
8. В мае 1916 г. штаб Корпуса находился в Керманшахе, откуда проводилась операция против Ханекина через Керинд и Касре-Ширин. См.: АНЦРГ, ф.39, д.77, л.5.
9. В.Д. Гамалий – сотник 1-й сотни 1-го Уманского полка Кубанского казачьего войска, снискавший себе славу за совершение глубокого рейда в мае-июне 1916 г. в Месопотамию, в тыл турецкой армии, с целью установления связи с действующими там английскими войсками. Гамалей со своей сотней проделал долгий путь длиной более 400 верст от Майдешта через Луристан (Пушти-Кух), обойдя Зорбатю с восточной стороны до Али-Гарби, где и произошла встреча с англичанами. Из Али-Гарби Гамалей в сопровождении нескольких бойцов из своей сотни и английского офицера направился в Басру, где встретился с английским генералом Леком от которого, в соответствии с инструкцией генерала Баратова, получил карты расположения английских и турецких войск для координации совместных военных действий против последних. За проявленную доблесть и мужество Гамалей и члены его команды были награждены английскими военными крестами. После завершения встречи с англичанами Гамалей со своей сотней без потерь вернулся в Керманшах. См.: Ф.И. Елисеев. Рейд сотника Гамалея в Месопотамию в мае 1916 года. Нью-Йорк, 1957.
10. Телеграммы, отправляемые Гамалеем в штаб Корпуса были "громкими" по той причине, что сам Баратов приказал Гамалею посылать свои донесения "через английские искровые станции". Гамалей, как ему было приказано, все сведения, получаемые от англичан, немедленно сообщал генералу Баратову. Однако телеграммы, которые поступали от Баратова, были почему-то неясными. Там же, с.14.
11. Английский военный агент в Керманшахе – примечание Н.К. Тер-Оганова.
12. Каргалетели – офицер генерального штаба, имевший большое влияние на Баратова – примечание К.Н. Смирнова.
13. Речь идет о второй поездке Баратова в Касре-Ширин для удара на Ханекин – примечание К.Н. Смирнова.
14. Можно сказать, что более бесстрастное объяснение "мягкого характера" генерала Баратова дает Орган связи русского воинства за рубежом журнал "Часовой": "Думают, - читаем в статье "Генерал Баратов", - что Баратов по мягкости поддается влиянию других. Это неверно. Говоря с другими, советуясь, он только контролирует себя и пытается шире осветить вопрос, но поступает всегда по-своему". См.: Генерал Баратов – "Часовой", №103-104, май 1933, с. 26.
15. Командир конвоя – примечание К.Н. Смирнова.
16. Заведующий службой связи – примечание К.Н. Смирнова.
17. Помощник командира конвоя – примечание К.Н. Смирнова.
18. Адъютант штаба по хозяйственной части – примечание К.Н. Смирнова.
19. Заведующий офицерским собранием штаба – примечание К.Н. Смирнова.
20. Согласно Ф.И. Елисееву, генерал Баратов предложил английскому командованию в Месопотамии выслать и от себя разъезд в Зорбатю для встречи с сотней Гамалея, однако,

как известно, англичане воздержались от отправки туда своего разъезда. См.: Ф.И. Елисеев, Рейд сотника Гамалея в Месопотамию в мае 1916 года, с. 8.

21. К.Н. Смирнов ошибается в оценке рейда Гамалея, поскольку в результате этой командировки была достигнута основная ее цель – во-первых, была установлена связь с английским военным командованием в Месопотамии, и, во-вторых – были получены подробные карты, с указанием рассредоточения английских и турецких войск в данном районе. Ф.И. Елисеев. Рейд сотника Гамалея в Месопотамию в 1916 году, с.13.

22. Волноопределяющийся – переводчик английского языка из бывших матросов – примечание К.Н.Смирнова.

23. Палатка для укрытия (франц). – примечание Н.К. Тер-Оганова.

24. Офицер Нижегородского драгунского полка – примечание К.Н. Смирнова.

25. Офицер Генерального штаба в штабе армии – примечание К.Н. Смирнова.

26. Офицер Нижегородского драгунского полка, заместитель начальника военного округа на театре войны – примечание К.Н.Смирнова.

27. Начальник казачьей дивизии в Казвине – примечание К.Н. Смирнова.

28. Корпусной врач – примечание К.Н. Смирнова.

29. Российский посланник в Тегеране – примечание Н.К. Тер-Оганова.

30. Согласно срочной шифрованной телеграмме в Отдел генерал-квартирмейстера от 2 августа 1916 г. подполковник Прозоркевич из Тегерана сообщал: "Наступление турок к Тегерану создает возможность [в] ближайшем будущем спешной эвакуации Тегерана русскими госучреждениями, всеми подданными". Как выясняется, посланником был разработан план по проведению эвакуации Тегерана, и даже приступили к ее частичному исполнению. См.: РГВИА, ф.2000, оп.III, д.7749, л.л.21-34. – примечание Н.К. Тер-Оганова.

31. Офицер-восточник туркестанского отделения – примечание К.Н. Смирнова.

32. Офицер Персидской казачьей бригады, прикомандированный к штабу Корпуса, бывший паж Султан Ахмад-шаха – примечание К.Н. Смирнова.

33. Российский генеральный консул в Тегеране – примечание К.Н. Смирнова.

34. Татос-хан – генерал Персидской казачьей бригады, армянин, поставщик фуража на бригаду – примечание К.Н. Смирнова.

35. Искандер-хан, начальник штаба Персидской казачьей бригады – армянин – примечание К.Н. Смирнова.

36. Консул в Казвине – примечание К.Н. Смирнова.

37. До этого времени в Казвине был расположен Штаб Экспедиционного корпуса генерала Баратова – примечание Н.К. Тер-Оганова.

38. Амир Афхам – хамаданский губернатор и помещик – примечание К.Н. Смирнова.

39. Глава афшарского племени из района Зенджана – примечание К.Н. Смирнова.

40. Болховитинов – начальник штаба Кавказского военного округа – примечание К.Н. Смирнова.

41. Полковник Прозоркевич – командир Персидской казачьей бригады – примечание К.Н. Смирнова.

42. Сепаксалар (Халатбари) – премьер-министр Ирана – примечание К.Н. Смирнова.

43. Акбар-мирза – сын Зилли Солтана – примечание К.Н. Смирнова.

44. Российский посланник в Тегеране – примечание К.Н. Смирнова.

45. Бывший командир Персидской казачьей бригады – примечание К.Н. Смирнова.

46. Принц Дараб-мирза – помощник начальника тыла и комендант этапа в Казвине – примечание К.Н. Смирнова.

47. Командир 2-го Кавказского кавалерийского корпуса, действовавшего в Азербайджане – примечание К.Н. Смирнова.

48. Павел Дмитриевич – генерал-майор Мелик-Шахназаров – начальник тыла – примечание К.Н. Смирнова.

49. Прапорщик штаба Армии, бывший чиновник канцелярии Наместника для пограничных сношений – примечание К.Н. Смирнова.

50. Офицер-восточник – примечание К.Н. Смирнова.

51. Офицер-восточник – примечание К.Н. Смирнова.

52. Офицер Генерального штаба, бывший начальник Общего отдела штаба армии, а потом командир Кубанского казачьего полка в Персии – примечание К.Н. Смирнова.

53. Чиновник Мининдела, прикомандированный к Корпусу – примечание К.Н. Смирнова.
54. Офицер-восточник – примечание К.Н. Смирнова.
55. Князь Шкринский-Шихмаитов – офицер Нижегородского драгунского полка, был на короткое время прикомандирован мне в помощь – примечание К.Н. Смирнова.
56. Исполняющий должность начальника штаба Корпуса, комбриг 1-й Кавказской казачьей дивизии – примечание К.Н. Смирнова.
57. Армянин, нотабль Казвина – примечание К.Н. Смирнова.
58. Офицер Кубанского казачьего полка – примечание К.Н. Смирнова.
59. Хурджин или хорджин – переметная сумка в Иране, а также в странах южного Кавказа – примечание Н.К. Тер-Оганова.
60. Исполняющий должность начальника штаба Корпуса, комбриг 1-ой Кавказской кавалерийской дивизии – примечание К.Н. Смирнова.
61. Драгоман Кирсановых, бывшего военного агента и консула в Мосуле – примечание К.Н. Смирнова.
62. Начальник гарнизона в Казвине – примечание К.Н. Смирнова.
63. Расстриженный халдейский священник – агент разведки – примечание К.Н. Смирнова.
64. Принц Каджар, войсковой старшина, подполковник Кубанского казачьего войска – примечание К.Н. Смирнова.
65. В 1910 году Дараб-мирза поднял неудачное восстание в Зенджане в пользу Мохаммад Али-шаха. В общем большой плут – примечание К.Н. Смирнова.
66. В.П.Ляхов, бывший командир Персидской казачьей бригады (1906–1909 гг.), в годы Первой мировой войны был комендантом Михайловской крепости г.Батума и руководил военными операциями против турецких войск в районе Черноморского побережья Турции. Он был одним из активных участников взятия русскими войсками г.Трапезунда весной 1916 г. – примечание Н.К. Тер-Оганова.
67. Так звал Ляхов свою жену – примечание К.Н. Смирнова.
68. В 1915 году Ляхов был комендантом Батума – примечание К.Н. Смирнова.
69. Согласно замечанию Смирнова, это отрывок из немецкой песни "Dume, dume Reiter, fahre, fahre weiter" – "Глупый, глупый всадник поезжайте дальше, дальше" – примечание Н.К. Тер-Оганова.
70. Речь идет о командующем Кавказской армии Н.Н.Юдениче – примечание Н.К. Тер-Оганова.
71. Офицер-восточник из Разведывательного отделения штаба [Кавказской] армии – примечание К.Н. Смирнова.
72. Начальник Ардебильского отряда – примечание К.Н. Смирнова.
73. Российский консул в Ардебиле – примечание К.Н. Смирнова.
74. Чиновник Мининдела для пограничных сношений при Наместнике Кавказа – примечание К.Н. Смирнова.
75. Бывший пограничный комиссар с Персией в районе Ардебилля – примечание К.Н. Смирнова.
76. Место штаба 5-го Кавказского корпуса в районе Трапезунда. На время Баратов был назначен туда во время революции – примечание К.Н. Смирнова.
77. Казачий офицер, бывший в штабе Экспедиционного корпуса в Персии – примечание К.Н. Смирнова.
78. Вспомогательный крейсер, в мирное время румынский пароход – примечание К.Н.Смирнова. Как выясняется, "Dacia" – грузопассажирское судно – в 1916 г. было передано Румынией в распоряжение российского Черноморского флота, где уже под русифицированным названием "Дакия" фактически стала вспомогательным крейсером – примечание Н.К. Тер-Оганова. Более подробно об истории этого судна см.: <http://www.kruiznik.ru/forum> и <http://www.river-forum.ru/archive>.
79. Смирнов имеет в виду гидропланы – примечание Н.К. Тер-Оганова.
80. Капитан 2 ранга, офицер связи при штабе 5-го корпуса – примечание К.Н. Смирнова.
81. Начальник трапезундского укрепленного района – примечание К.Н. Смирнова.

82. Прапорщик Курандчиев – примечание К.Н. Смирнова.

83. Переводчик Колларо – примечание К.Н. Смирнова.

84. Сам великорусс, но вырос в Малороссии и ярый сторонник автономии Украины – примечание К.Н. Смирнова.

85. Подполковник Михаил Андреевич Ардатов, восточник, был офицером связи от Кавказской армии при Черноморском флоте в Севастополе, ранее того был заведующим [разведкой – Н.К. Тер-Оганов] в Трапезунде – примечание К.Н. Смирнова.